

рѣшеннымъ со времени Мюлленгофа¹⁾, что въ средніе вѣка на западѣ «русскій» былъ тождественъ съ «греческимъ»; свидѣтельства эпическихъ памятниковъ здѣсь не доказательны и порой фантастичны; сага о Тидрекѣ знаетъ напр. Сигурда греческаго, grikr (гл. 117—121, 240). Въ Dietrich und Wenezlan встрѣчается польскій король Wenezlan (сл. въ Biterolf'ѣ Wiszlan, Wineslan, kunic von Beheim), но въ Dietrichs Flucht есть и Wizlan греческій: Всеславъ, Вячеславъ? Невѣроятнымъ кажется мнѣ предположеніе²⁾, что въ Тидрекѣ, сынѣ русскаго Владимира, сражающагося въ сагѣ о Тидрекѣ противъ него и войска Атиллы, можно усмотрѣть отраженіе историческаго Теодориха Страбона, готскаго вождя на службѣ Византіи, съ которымъ приходилось бороться Теодорику изъ рода Амаловъ, то есть, Бернскому — Веронскому. Симонъ сближаетъ Тидрека, сына Владимира, съ Dietrich von Kriechen нѣмецкой саги³⁾, хотя онъ стоитъ на сторонѣ Атиллы. Напомнимъ, что Wolfdietrich и Hugin-dietrich въ поэмахъ о нихъ также носятъ эпитетъ «греческихъ».

Мы уже сказали, что поэма объ Ортнитѣ не знаетъ Владимира, какъ не знаетъ Илья греческаго: онъ русскій König. Какъ въ первомъ обстоятельстве мы усмотрѣли хронологическій моментъ, такъ и второй является намъ въ томъ же значеніи. Въ поэмѣ первой трети XIII вѣка, тѣмъ болѣе въ ея источникѣ, если Илья былъ тамъ названъ, онъ могъ быть только южно-руссомъ. Исслѣдованія акад. Шахматова⁴⁾ выяснили тотъ фактъ, что среди сѣверныхъ славянъ, кривичей и сосѣднихъ съ ними финновъ роль варяговъ сводится ко взиманію дани; туземцы, рыболовы и звѣроловы, продолжали жить племеннымъ бытомъ, и варяги не смѣшивались съ мѣстнымъ населеніемъ, не входили въ его жизнь: они оставались для нихъ чужими, насильниками и грабителями; имя

1) Zs. f. D. Alterth. X, 166.

2) Jiriczek, l. c., стр. 178; Symons, Grundriss², l. c., стр. 702.

3) W. Grimm, D. Heldensage, стр. 219.

4) l. c., стр. 53 слѣд.; сл. стр. 37.